

НАЗИДАТЕЛЬНОСТЬ в романе

ИЗ ПУТЕВЫХ КНИЖЕК

Из путевых или из путёвых? Решайте!

Мы ко второму завтраку собирались... Чай с ломтями белого деревенского хлеба и пенками крыжовникового варенья. Тут художественный редактор звонит: «В конце 4-го тома остаются чистые страницы. Набрать сверху, как обычно, что это листы для заметок?» Для заметок... У нас в записных книжках за годы заметок этих... Вот и решили напечатать. Почитайте. Может, что и Вам созвучно?

О людях. Самые выгодные вложения – в человека. Самые непредсказуемые – в него же.

Я в людях плохо разбираюсь. Вижу в них только хорошее.

Большинство людей смотрят на других как в зеркало, видя в них только своё отражение.

Величайшая из вершин, которую воздвигает человек – его душа. Иная и равна-то небольшому холму. Но и она выше, чем та, что подобна яме, пропасти. Есть на земле дү-ши-горы, стоящие с другими единой цепью. Они первыми встречают и последними провожают солнце. Защищают долины от ветров. И зачастую самые поднебесные из них принадлежат малоизвестным, незаметным, скромным людям 650. Их отличает невзыскательное рубище и данковская искра в глазах, в которых отражаются горные вершины их белоснежных душ. Часто мечта строит для человека прекрасный замок. И лишь лень продавленного дивана мешает ему взойти под шпиль самой высокой его башни.

Чем больше у человека ума, тем больше ему его не хватает. А чем меньше, тем больше кажется, что его уж довольно.

Душа, она нерастратна... Безмерно нужно тратить душу. Она вселенской глубины...

У человека может болеть всё, кроме мыслей. Они не болят, т. к. не принадлежат ему. Но и больше всего страданий человеку приносят именно мысли...

Его перестало что-либо удивлять. Лимит удивленья исчерпан. И зачем дальше жить?

Ходил каждый день смотреть картошку по соседским полям: вдруг раньше, чем у него, вылезла? Так ту прикапывал.

Жил одним человеком, а умирал другим.

Истину знал человек, промолчавший всю жизнь. Такой есть у каждого народа и в каждом поколении.

На него посмотришь, и самому причесаться захочется.

Люди, которые не находят, за что любить свою Родину, на самом деле не находят самих себя. А уж где не находить – за границей или в России – всё едино.

Чем дальше ты от людей, тем меньше тебе нужны деньги. Чем ближе ты к людям, тем больше нужны купюры. 651

Он был весь какой-то рассогласованный. В одежде, в манерах и, главное, в лице. Пока верхняя часть его улыбалась, глаза светились, брови вздымались в изумлении, нижняя – губы и подбородок – выражали уныние и безразличие.

Сосредоточенный скукой. Скучный человек, в общем...

Лица красавиц кажутся неприступными только до ваших слов об их красоте.

Губки его ходили туда-сюда, когда он смотрел на собеседника и был с ним одного мнения. И сюда-туда, когда он с чем-то не соглашался.

У дамы, что стояла спиной к нему, из-под курточки торчал край блузки. Ему всё хотелось подойти и заправить его в джинсы. Он так и представлял, как потянет на себя пояс и заправит ткань на место. Конечно, крик будет. Может, и муж её что необдуманно совершит. Но порядок будет восстановлен. А то этак-то не дело. Да и спину может застудить. Мужчина, сидя на широком кожаном диване, изредка похлопывал себя по коленке. Молодая дама медленно подвинула свою ногу к нему (вдруг ошибётся?) и приготовила удивлённо-возмущённую улыбку.

Внешность его на профессорскую не тянула. Доцент. И диссертация, поди, по бабочкам.

Даже оставшись на планете один, человек не будет считать, что неинтересен себе. 652

О жизни. Человеку дано получить лишь то, о чём он мечтает. Что представляет и к чему стремится. И никогда он не достигнет тех благ, тех высот, на которые прежде не поднимался в мечтах. Ему даётся лишь та высота, на которую поднялась его мечта. И покоряется лишь та вершина, которую воздвиг он сам.

В деревенском доме, даже если он нежилой, за каждым окном – глаза.

Смысл жизни – отразить, запечатлеть жизнь.

Важно не то, что видишь, а как на это смотришь.

Неужели человечество живёт от события до события? От мессии до мессии, в ожидании? Жизнь в ожидании...

Жизнь человека к концу трубочкой сворачивается. Чтоб хранить удобней. А каждому хочется, чтоб расправили её и прочитали. А лучше ещё, чтоб он сам успел рассказать. Человеку в конце жизни надо высказаться. Он не должен без своего слушателя в безмолвие уходить.

Крестик на смерти. Человек тяжело болел. Вначале на календаре ставил крест на неделе. Потом на дне прошедшем. Затем крестик в обед и после ужина. Но смерть догнала. Поставила крест на могиле.

Орёл на гербе успеваешь смотреть и на запад, и на восток. Да так быстро головой крутит, что кажется всем, будто их у него две.

В сильный мороз идёшь по заброшенной деревне и от каждого дома слышишь треск. От окон до поветных ворот. Слово ты толкаешь воздух, волну ему придаёшь, и она идёт, и это слышно. И дома отвечают тебе. Рябью памяти. 653

Жизнь во времени – привилегия. Вне времени жизни нет.

О книгах и чтении. Читайте стоя, роман того стоит!

Трепещущий огонёк свечи, отблеск костров вызывали живые образы. Электрическая лампочка ту образность затмила...

Вот говорят, читаешь, и перед тобой оживает история. Не так! То ты к истории оживаешь!

Любая книга – это зеркало. Сопереживая её героям, вглядываешься в себя. В душу свою. Себя, с мыслями автора соизмеряя, познаёшь. Жизнь нельзя вернуть в начало. А прочесть сначала книгу о жизни – можно.

О творчестве. Святитель Димитрий пришёл к нам. К нам по отдельности он бы не пришёл.

Коллега-писатель о романе: – Таланта тут нет. Пара достоинств, и всё. Мы: – Так и хорошо! На каждого по достоинству!

Куда умному дурака править!

В неудаче виноват только я. У успеха всегда есть соавторы.

Он говорил, будто выбивал на печатной машинке. Быстрыми, резаными, пробивающими бумагу слогами, 654 чёткими, в идеально прямую линию словами, словно отлитыми из стали предложениями. Она слушала и переводила его на свой язык. Накладывала его резкость и угловатость на холст их жизни, словно картину маслом писала. Мазок её быстрый, лёгкий. Краски размытые, неяркие. И получалось полотно. С его выразительностью и её гармонией.

Труд писателя – это ожидание. Сначала – прилёта Пегаса. Потом – появления редактора. Затем – вдохновения художника. После – терпеливое ожидание только своего читателя. У нас же всё наоборот. Сначала появился читатель и стал подгонять: пишите. Наш читатель, нетерпеливо ёрзая, ожидал, когда появится его писатель, когда окрылится Пегас, вдохновится художник и найдётся редактор...

В отпуске в деревне мозг освобождён от работы, которой мы принуждаем его заниматься в городе, находясь на службе. И в поисках привычной для себя загрузки он, призывая нас творить, находит для себя работу.

В картине Левитана «Над вечным покоем», равно как и у «Демона» Врубеля, притягивает к себе один махонький огонёк. В окне и в глазах. Ради этого пятнышка – надежды и создано полотно, и страдал художник... Да и жизнь проходит...

Sagrada Família Антонио Гауди. Вся литература, веками создававшаяся миром, отлита в одном этом соборе... Переплетение слов – архитектура. Звучанье мыслей – красота лепнин. Мысль – она клубком, всё время разная, многослойная, разносторонняя. Как Гауди собор. Ничто в нём не повторяется. Ни один элемент. То свет солнечный его меняет. То сам он тенями играет. То, светом играя, свой образ, тень в историю отбрасывает. Нет, он из истории, из всего 655 прошлого человечества и создан. Он – мысль, в камне запечатлённая. Он и есть камень, мыслью напоённый. Мастер уловил и заставил замереть в башнях и крышах собора такую изменчивость, как облака. Собор не с земли в небо строится. Он к нам с небес спускается. Антонио Гауди запечатлел саму природу. Её внешнее непостоянство и незыблемую сущность. Поток мыслей. С небес он спускается. Оттого мастер и собор свой к небесам протянул. Чтоб короче путь. Чтоб поверил человек в себя. Увидел отражение помыслов своих в соборе. Связь неразрывную с миром, с космосом ощутил. Слово гибче, пластичнее и долговечнее камня. Так почему невозможно выразить словами впечатления, идеи Гауди, воплощённые в камне? Ту радость, которую испытываешь от каждого элемента собора? Сочетания чего запечатлел мастер? Какими пропорциями человеческой души определяется красота? Проза в камне. Он выгибал плоские слова, как кузнец закручивал полосу железа. А цвет! Слово, начатое красным, заканчивал белым. Предложение, звучавшее вначале серым, он дописывал сиреневым. Рассказ его переливался всеми цветами радуги. Пospорить яркостью палитры мог он с самим небом. И оттого небо восторгалось его творением, отражаясь в витражах. Заглядывая в них, и себя постигая через его творение...

НАМЁК

И ещё о том, что я вот сбежал, а ему – сам знаю, куда и кому – писать обо мне нужно. А как то исполнить, коль он меня не видит и ничего обо мне не знает? Что это „не товарищески”. И ещё Виноградов писал, бумагу надрывая, о том, что „ссорой с Генкелем ты, Ломоносов, можешь всю учёбу прекратить”. И тогда ему, Димке, нигде в России места доходного не найти. Он не тот, за которого вступятся. У него „не те” родственники. И что надо и о товарищах думать, когда вот так.. 4-2-98

Или то письмо напрямую Михаилу отправим. А второе от Макарова. Помнишь... – он отвёл взгляд от долины, что меж двух холмов и глянул за окно. Да только зря он туда посмотрел. На площади оттачивали мастерство колющего удара гвардейцы Измайловского полка. Унтер-офицерское: «Коли!» прозвучало приговором любому, ещё хоть в чём сомневающемуся. Бирон резко, силы не соизмеряя, захлопнул створку. Рама хлопнула расстрельным выстрелом. **Стекло не выдержало и рассыпалось, порезав ему руку.** – Лекаря! – вскричала в испуге жена 4-2-87

Бирон шёл к дивану, придерживая перед собой раненную руку, наступая башмаками на капли крови. Часовой, стоящий при дверях, про себя проговаривал вечерний свой казарменный рассказ: «За ним следы так 4-2-87

Поведение веера

– И вот ещё о чём надо подумать... – Бенигна Готтлиб фон Тротта-Трейден, с детства горбатенькая, некрасивая и в свои лучшие годы, **провела веером по горлу**, украшенному большим драгоценным камнем на тонкой золотой нити. – Ты всех ли знаешь, кто его как его знает? О московских да столичных? А ведь вырос он не здесь. И мать у него где-то. А вдруг она грамотна и что запишет? Иль на исповеди? А догадливая родня? А может, и его неродной отец начнёт правды выискивать? Аль уже что знает? Бирон развернулся к жене. Глаза его сузились. Он подался вперёд. – Ты бы подумал и нашёл ещё каких одинаковых, – Бенигна голос с озабоченного, на ласковый поменяла. – Да и разные сгодятся. Лишь бы к утру вернулись, в обед всё правильно доложили ... – ...а к ужину пропали б куда, – продолжил за неё герцог, восторженно глядя на супругу. «А ведь были ещё и бумаги!– он вспомнил о духовном завещании Екатерины 81. – Там вот о любушке моей ничего. Сама и распорядилась при 81 Согласно завещанию Екатерины I, императором объявлялся Пётр Алексеевич; в п. 8 указывался порядок дальнейшего престолонаследия, если великий князь умирает без наследников: престол переходит к цесаревнам и их потомкам (преимущество у лиц мужского пола). Текст завещания Екатерины I был подготовлен в Петербурге в конце 1726 г. голштинскими министрами Г.-Ф. Бассевичем (1680– 1748) и бароном Штамбке на немецком языке. Документ начали переводить, но не успели, императрица скончалась. Русский текст тестаменты – выдержка из немецкого варианта – был подписан цесаревной Елизаветой Петровной после смерти матери именем «Екатерина». 92 ней сжечь. Гаврила Головкин сполнил, да потом всё бор´ - мотал, что копий не меряно было сделано. А в тестаменте том – сказывала голубушка моя – про цесаревну Елизавету есть, и подписывалась она. Там что-то ещё о предпочтении наследников мужского пола. На это и будем указывать. Вот копии бы найти... Точно уж Гаврила сам и сохранил. Да, поди, в могилу с собой не унёс. Упрятал, где подале. Куда не всякому дотянуться. В Гааге, у сыночка. У Александра Гавриловича. Послать за бумагами! Срочно! И сродственничков Михайлы сыскать! Это даже первое. Ай да Бенигнушка!» – Эрнстушка! – законная супруга, перемены мужа к ней видя, игриво так продолжила, **пристроив веер к затылку мужа.** – А ежели ты регент при императоре российском, – она расправила спицы, – то и власть у тебя императорская. **Веер цветастым хохолком,**

павлиньим хвостом, а для неё – короной – вздымался над лысиной мужа: – А я при тебе императрица.

УМНЫЕ МЫСЛИ

Молодость смотрит, а старость и без глаз видит.
. . 221

Как тот говаривал: „Воспитание – это питание. Чем кормить дитя будешь – то и вырастет”.
2-468

За столом дощатым писал. И на четвёртый день вывел для себя утверждение: «Не важно, на чём ты пишешь. Важно – что!» 132

132 Афоризм Е.И. Овсянкина (1927–2010) в оригинале звучит так: «Не важно, паренёк, на чём ты пишешь. Важно – что!» 4-2-139

И ещё познал, на него глядя: наука – не только головой, а куда больше пятой точкой даётся. 4-1-622

А попробуй до такой высоты в познании подняться, чтоб не только опытом иль мыслью, а постигая силу Божию. Вот вершина философии. А философия – вершина всех наук. 4-1-633

Мишина душа парила, подымая его над миром. И отступили все иные чувства. Да и нужны ли они человеку? Ведь только душа не растратна... Всё остальное с годами устаёт, притупляется, изнашивается, теряет остроту, силу. И лишь кувшин души всегда полон. Видать, сам Господь щедрой рукой до краёв подливает в него Любовь, не пересыхаемым ручейком связывая душу человека с вечностью. А коль так, коль вечна душа, и нет конца мыслям, так значит, смертному человеку они не принадлежат. Подарены лишь на время его земного пути. Чтоб в любви с миром жил... 4-1-607

И дивишься потом, когда отпечатанным видишь: думал-то другими словами! Но слова ли то были в сердце твоём и в душе? Нет! Им куда большее предшествовало. Всеобъемлющее. То можно идеей назвать, образом. И подвластна ли идея словесному выражению? Вот в чём загадка... Тайна! Господь даёт нам ощутить, почувствовать великое... А мы пытаемся тому обличье словесное подобрать. Как Адам, по несовершенству своему, срывает плод. И тогда уж не миром владеем, а одним яблоком. Сколь раз говорил себе: „Не касайся словом образа. Наслаждайся совершенством идеи. Не надкусывай райский плод. Не пытайся приблизиться к Богу” 4-1-571

Михаил проснулся через час. Так всегда бывало на путине. Дед Лука говаривал: «Неделя трескового хода год кормить может!» А у Миши теперь вся жизнь – путина. Путина познания. 4-1-550

Он же подошёл к столу и тыльной стороной ладони отвернул дуло от себя. Затем установил часы в центр. В голове мелькнуло: «Время сильнее любого оружия! Хорошо сказал! Надо записать». 4-1-557

Для себя вот как решил, зачем живу: да чтоб себя через учеников множить. Разделю своё, себя в учениках. Мира, жизни понимание. Они меня дальше понесут. Каждый. Моё, что

понял. Что им во мне по нраву пришлось. Как я мир понимаю. А там, через дела, через своих детей передадут дальше. И оттого мир будущий не будет линейкой драться. Чем-то на меня похож будет. На то и предназначение учителя: любовью любовь множить. 4-1-500

Я сперва новое на них писал, а после постиг: он мне ту бумагу, как ученику своему, передал. Так и я из нашего с ним времени в век грядущий через своих учеников чистый лист направлю. Чтоб было, кому и на чём историю России творить. Первые годы лучшим в выпуске сразу по несколько отдавал. После – уж только тем, кто меня поразить сметливостью см 4-1-499

Ты иглу видал? Ушко у ней? Так вот и здесь. Не дорога, а игольное ушко. Со всех сторон так ручьём да родниками с болотцем зажата, что летом двум телегам не разъехаться. То сейчас раздолье. Мороз постарался. Широко. С горки на горку катись-карабкайся. А летом... 4=1=442 Ты иглу видал? Ушко у ней? Так вот и здесь. Не дорога, а игольное ушко²⁶. Со всех сторон так ручьём да родниками с болотцем зажата, что летом двум телегам не разъехаться. То сейчас раздолье. Мороз постарался. Широко. С горки на горку катись-карабкайся. А летом... Ты грамотен? – Сергунька обернулся к Мише. – Знаешь, кто хозяин у верблюда, который с поклажей в ушко протиснуться не смог? – Нет, – Миша отмахнулся. – Эта история не про верблюда и ушко, а про вход в царство божие. Это аллегория, ²⁶ Читатели, пожалуйста, запомните этот участок Московского тракта. В наше время на трассе М8 «Холмогоры» в этом «игольном ушке» произойдёт событие, которое изменит судьбу одного из героев книги «Государево око». ⁴⁴³ иносказание, – ввернул он познанное от Ивана Каргопольского. – Нет, то про купца скупого. Который дважды платит, – упорствовал Сергунька, стоял на своём. – Да говорю же, нет! – Миша привстал на санях. – Там вот о чём: «Сними с себя поклажу мирских богатств. Скинь со спины скарб. Тогда без бремени и войдёшь в царство небесное». – Ага! Вот как ты 4-1-442

Бажениным нравы поперебивали. 4-1-427

Он не заметил, как поднялся. Выпрямился и вслух уж, почти вскричал: – За то и носы ломать буду. И свой прежде других. Но с носом себя никому не дам оставить. Пусть все там в столицах зарубят... Поднял дневник над собой: – Гулькин вам нос, а не мои записи! 4-1-423

Так что милой, остынь и собирайся. Утри там, Миша, всем носы. Свой всегда по ветру держи. И помни: нет того крюка, чтоб ломоносовский нос выдержал. Но только... – старик посмотрел на Василия Дорофеевича, всё ещё заслонявшего собой жену, – от родни-то носа не вороти. Ты как пойдёшь в свою Москву, так уже за нашей околицей, за большими воротами, что на скотный выгон, сразу всех оставшихся до слёз полюбишь. А ты вот попробуй сейчас, и тута, когда нос к носу. 4-1-423

Не может погода меняться лишь в один и тот же день седмицы. И уж пусть сколько ни говорят, что в пятницу перемена, а не в четверг, иль там, в субботу – то глупости. Есть же всем понятное: воробы в пыль лезут – к дождю. Давление меняется – гнус птицу достаёт. Самовар, закипая, шумит перед морозом так, что аж с крыльца слышать. Так то, опять же, давление растёт и, значит, температура в самоваре больше, вот и шум со свистом паровичка. Про квакушек там, ласточек – приметы верные. Про тот же муравейник. Трын-травашапки в зонтик собирает пред дождём. У ели да сосны ветви вниз гнёт. Волчья ягода перед ливнем резко пахнет. Всё это просто. Познаваемо. А вот верить, что только в пятницу переменится – то шаль, дурость. Не может природа знать дней недели. Хоть всех стариков собери, и пусть талдычат, что на том крест целовать будут» 4-1-416

Опять из-за тетрадки проклятой схлестнулись?! Да уйдешь ты, наконец?! Что всех-то мучишь? Ступай к своей родне. Ждут они там тебя... Скатертью дорога! Расстелить? 4-1-423

Глава 8 ВСЕМ ТАМ НОСЫ УТРИ, А СВОЙ ПО ВЕТРУ ДЕРЖИ! Декабрь 1730 г., д. Мишанинская 4-1-415

Дусятка хихикнула. Рот краем передника прикрыла и указала себе: «Сама-то дурака не валяй!» И разом представила, как катает по полу поочередно: то Мишу на полный оборот, то Ваню, дважды на пол-оборота. Тут её и просветило, лучиной в голове вспыхнуло: «Вот отчего говорят „ваньку валять!” То и значит – катать учителя по полу. В голове её быстрёхонько всё это ремесло – валяние валенок и Ваньки – в одну картинку и сложилось. 4-1-403

Развернул трещинкой, силе своей радуясь, – ёлку в щёлку, сосну в сук! – занёс над головой колун. 4-1-399

Они отпиливали очередную чурку. Каждый опять тянул в свою сторону. Под козлами на снегу желтел опилок. «То молчания нашего золото», – на отца глянув, подумал Миша. 4-1-394

Читал, что глаза ум через себя кажут. 4-1-310

Василий Дорощеевич, не дожидаясь, пока сын возьмётся за свою ручку, нетерпеливо потянул полотно на себя, полоснул. Острые зубья глубоко прорезали кору. Та треснула, не желая расставаться со стволом, с сердцевинкой, с тем, кого столько лет защищала от непогоды. Со своей основой, по которой к ней поступали соки. «Вот же оно как. Когда поживому», – Миша протянул пилу на себя. 4-1-394

296 Sapere aude (с латинского) – Дерзай мыслить. Sapere aude – Дерзай знать (др.вариант: Решись быть мудрым). Изречение, содержащееся в «Посланиях» Горация (65–8 гг. до н. э.). И. Кант (1784) перевёл изречение так: Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen! – Sapere aude! – Имей мужество пользоваться собственным умом! 4-1-292

Говорят ведь, что лысина – это полянка, которая мыслями истоптана. 4-1-291

То и есть наука. Когда сам что новое познал, и страсть как хочется всем поведать 4-1-285

Перед ним проскочила новая яркая мысль: „Говорят, время разбрасывать камни. А твоё пришло – собирать!” Вот почему предыдущая не возвращалась: носилась гдето. А ведь тоже красивой была: „Количество камней в лабиринте равно количеству букв в вирше” 4-1-266

Отец перехватил его у лаза в носовой чердак: – Ты рыбу почистил? Твоё время, дитятко, в салки играть прошло. Вспомни мать. Всё повторяла: «Время разбрасывать камешник и время собирать». Марш на корму! разбрасывать камешник и время собирать». Марш на корму! 4-1-170

Глава 14 ДВАЖДЫ В ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ НЕ ВОЙТИ Октябрь 1725 г., р. Северная Двина, Архангельск 4-1-127

Вот днями в споре один купец иноземный удивил, слова древнего грека приведя: „Дай, где стать, и я поверну Землю”»

***Слова древнегреческого физика и математика Архимеда Сиракузского (287–212 гг. до н. э.). В латинской транслитерации – *Dos moipu sto, kai tan gan kinaso* («Дайте мне точку опоры, и я поверну Землю»).

Глава 10 МИРОМ ТОТ ВЛАДЕЕТ, КТО СЛОВО ПОЗНАЛ Сентябрь 1725 г., г. Архангельск

4-1-80

«Всяк приезжий делу вреден, – молча, про себя, постановил Василий Дорофеевич. 4-1-78

А кормщику в бурю и сто монахов не указ. 4-1-79

Дед на то говорит: „Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось”. 4-1-35

И обе, представив старуху да немолодого уже бобыля, столкнувшихся в полутьме среди веников в тесном предбаннике, потирали в предвкушении руки: сколь дней теперь можно нагую эту воду в ступе толочь! 4-1-26

Да всё одно на душе покойно. По-матерински – так даже и радостно. Сын с отцом – не разлей вода», – хотя, как это на деле, с водой, что её не разлить, она представить не могла. А вот что Вася да Мишаня везде рядом, то верно. Казалось, плесни кто на них из ведра – отпрыгнут в одну сторону. Оттого по-матерински радостно. 3-172

Себе чужое на время берёшь, а отдаёшь его своим и навечно? 3-148

«За царём – правда, на мужике завсегда – вина. Такова она, царская совесть». 3-147

Недаром ведь говорят: „Меньше знаешь – покойнее почиваешь”. 3-129

Елена? Сивкова? Ты что ль? – он вглядывался вверх. – Спускайся, кто бы ни был. И про себя добавил: «Храм – чтоб к небу подыматься, а не на землю с неба летать». 3-51

Прибыток тогда счастье принесёт, когда к любви прибьётся. 3-44

Запомни: девки шить должны умеючи, а не отшивать! 3-41

Красота да ум, когда они в одной головушке, только дурака последнего не отпугнут. 3-36

? Ох, ведь не зря говорят: „Матушка-рожь прокормит всех сплошь”. 3-35

Еленка осталась одна. Волнение, боязнь за них отца передались и ей. Смотреть на разгорающийся пожар вдруг стало страшно. Огонь в печи или вот огонёк лучины, свечи был своим, домашним. Грел и светил. Без него как, особенно зимой, жить? Зимой огонь и есть тепло. Жизнь. Доброта. А тот, что пылал сейчас над Холмогорами – то не жизнь. Смерть. «Это что же, – Еленкиного понимания тут не хватало, – много доброты – зло?» 3-24

Назавтра Пётр очнулся. Увидел до боли знакомый потолок. Подумал: «До боли или от боли знакомый? Раз слова во мне играют, значит, жив?» Вспомнил тут учителя школы Навигацкой Андрейку Жданова, из тех, у кого карманы зашиты – чтоб за словом туда не ползать. Как тот говаривал: „Воспитание – это питание. Чем кормить дитя будешь – то и вырастет”. 2-468

Если и ласкали её, так всё щипком, шлёпаньем да тисканьем. А женщина любая об обхождении возвышенном мечтает. Чтоб – как еще в девичестве читали ей, как в грёзах представлялось – розы кругом, лепестки, шторы воздушные полупрозрачные и рыцари со словом, что за душу забирает. Чтоб как в сказках восточных. После уж хоть в гарем. Но

вначале... И руку чтоб целовали. Чуток манжетку только отогнув, в запястье. Да не давили чтоб и не лезли в места всё одни. Не заглядывали б бесстыдно. А чтоб намёками да полувзглядами заманивали». А тут он мастер! 2-425

И как из Китая сообщал Ланг, швед, под Полтавой пленённый, а ноне России служащий, тысячи эти не просто купцов русских притесняют. Силой выгнали их из Урги. Разорили нашу торговлю с монголами. Пограбили. Вернуть себе требуют сотни семейств, что откочевали на наши земли. Никак нельзя с ними сейчас воевать. С ними вообще никогда нельзя воевать. Там дипломатией мириться надо. Был бы там владыка Димитрий, так не довёл бы до такого!» 2-418

Тайна суеты вокруг себя не терпит. От хлопот воздух движется и ветром завесу приподнять может 2-376

И не забывай, она что крапива молодая: пахнет не ярко, а вот обжечь может 2-360

ак чем хорош сочинитель? Тем, что читаешь и оторваться не можешь? Иль тем, что постоянно отрываешься, в себя всматриваясь? И вот ещё. Отроком читал так куда боле неотрывно. Как иной водку, так он книги – запоем. А как ближе к сорока, так всё чаще, словно чай пил с сахарной головой. Вприкуску. Прочтёт с полстранички, мысль его какая прошибёт, он сидит, своё суслит, чмокает. Будто постиг что меж строк. Потом словно проснётся – и опять к сочинителю вернётся. 2-279

ПРО тип читателя Жданова Андрея

Заметил, чем боле книга мыслями наполнена, тем чаще и подолгу он от неё отвлекался. Глаза в окно, либо в потолок – и о своём. 2-279

Нет слаще наслажденья в жизни, чем наслаждение от жизни зарожденье! 2-275

А в России всё прибыльное, всё вперёд смотрящее – ныне при царе. 2-254

Помнишь, когда-то в Москве Григорий, просветитель Чудов, говаривал за чаркой: «Для бешеной собаки и сто вёрст не крюк!» 2-256

Оно, понятно: где свой дом возведёшь, там и огороду поставишь. 2-254

*** Огородь, огорода – изгородь из жердей вокруг пахотного поля

Государь сам безудержен. А коль он неистов, так и государство необузданно. 2-257

Пирог, как и девка: вкусны, пока горячи 2-257

ДИАХРОНИЯ, СИНХРОНИЯ. ПАНХРОНИЯ

«Жениться приятней на красивой, но жить надо с умной!» 2-38

Чем меньше вокруг людей, тем добрее ты к человечеству. 5-245

Всё надо записывать и ссылками на источники сопровождать. 5-180

История, Женя, это такая наука, которая через века в современность заглядывает. 5-38

Я бы только тех к строительству будущего допускал, кто, кирпичи её перебирая, мозоли натёр 5-38

историк не интересы власти должен защищать, а именно что память предков. 5-155

«На белых пятнах истории для исследователей грабли разложены. Вот вы и...» А я не наступил. Я от предков правду знаю! Вы, Овсянкин, это поняли! 5-155

По извилистым коридорам памяти зигзагами проскакала поговорка: «Факт – не лошадь: куда хошь не повернёшь». Он в задумчивости глянул на диск телефона: «А ведь какая-то из сторон факты выворачивает... Круто вожжи на себя тянет! 5-155

Послания любящих во все века меняют только свои подписи». 5-201